

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А.В.Коровиков

**ИСЛАМСКИЙ
ЭКСТРЕМИЗМ**
в арабских странах

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1990

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава I.</i> Терминология и типология	3
Терминология	3
Типология современных идейных течений в исламе	13
<i>Глава II.</i> Появление современного исламского экстремизма	19
<i>Глава III.</i> Идеология исламского экстремизма	30
Идейные истоки исламского экстремизма	33
Религиозно-политические основы идеологии	39
Социальный идеал исламских экстремистов	47
Критика существующих общественно-политических систем	52
Стратегия и методы борьбы	66
<i>Глава IV.</i> Исламские экстремистские группы	79
Состав	79
Оценки численности	89
Организационная структура и лидеры	91
Вербовка	98
Психологическая и идеологическая обработка членов группы	103
<i>Глава V.</i> Исламские экстремисты на политической арене	110
Попытки захватить власть	110
Террористическая деятельность	121
Отношения экстремистов друг с другом и с различными организациями	130
Взаимоотношения властей и исламистов	137
Взаимоотношения властей и исламистов	153
Заключение	156
Использованные источники и литература	169
Summary	169

Научное издание

Коровиков Андрей Валентинович
ИСЛАМСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ
В АРАБСКИХ СТРАНАХ

Редактор *Н. Н. Фоменко*
Младший редактор *Л. А. Добродеева*
Художник *С. Ю. Архангельский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *Н. В. Морозова*

ИБ № 16876

Сдано в набор 23.03.90. Подписано к печати 17.08.90. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 9,24. Усл. кр.-отт. 9,55. Уч.-изд. л. 9,87. Тираж 1850 экз. Изд. № 7015. Зак. № 130. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Глава II

ПОЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Современный исламизм, или, как его еще называют, исламский фундаментализм, не является единой, цельной системой мировоззрения, а скорее представляет собой конгломерат большого количества различных теорий, объединенных общностью некоторых изначальных посылок и сходностью взгляда на современный мир. Основа для деления этих теорий на два главных их типа была заложена давно — примерно на рубеже 50—60-х годов. В это время в египетских тюрьмах и концентрационных лагерях находилось большое количество активистов организации «Братья-мусульмане», в том числе один из ее лидеров — Сейид Кутб. Синтезировав некоторые положения, выдвинутые пакистанским идеологом исламизма Абу-ль-Аля Маудуди (который сам экстремистом не был) с идеями Хасана аль-Банни, Кутб сформировал собственную, отличающуюся от классических взглядов «Братьев-мусульман», концепцию, которая основывалась на обвинении в неверии подавляющего большинства тех, кто считал себя мусульманами, и оценке всех существующих в настоящий момент обществ как антиисламских. Эта концепция была изложена в двух последних книгах С. Кутба, написанных в заключении, — «Под сенью Корана» («Фи зьяляли-ль-Куран») [313] и «Вехи на пути» («Маалим фи-т-тарик») [311].

После того как С. Кутб вышел на свободу в 1964 г. (он был освобожден по состоянию здоровья), эти книги были опубликованы и послужили причиной разгоревшейся среди «Братьев-мусульман» дискуссии. Дискуссия завершилась расколом в их рядах [103, с. 140], и экстремисты, объединившиеся вокруг С. Кутба, начали готовиться к захвату власти в стране. Как выразился покойный лидер «Братьев-мусульман» Омар ат-Тильмисани, «в то время как некоторые братья-мусульмане решили молча переносить страдания под гнетом угнетателей,

другие приняли решение перейти к самостоятельным действиям» [370, 28.12.1981].

Группа С. Кутба не успела ничего сделать—в 1965 г. новая волна массовых арестов привела к тому, что значительная часть египетских исламистов вновь оказалась за решеткой, а сам С. Кутб в том же году был повешен.

Однако эти аресты и казнь С. Кутба не остановили распространение исламского экстремизма, а, возможно, даже способствовали ему. Большое количество исламистски настроенных молодых людей оказались в тюрьмах и подверглись пыткам, что весьма способствовало переходу их на позиции экстремизма.

В мае 1967 г. в одном из концентрационных лагерей начался бунт, после которого самых молодых и активных заключенных отделили в особую тюрьму. «Это обстоятельство,— пишет Н. Айюби,— дало им возможность детально обсудить между собой различные религиозные и политические вопросы. Они начали с той посылки, что правители, пытавшие людей просто за то, что те искренне исповедовали собственную религию, не могут быть настоящими мусульманами, даже если они являются ими формально» [109, с. 277].

Так идеи, высказанные С. Кутбом, стали понемногу приобретать все больше приверженцев. Фактически первые исламские экстремистские группы (например, «ат-Такфир ва-ль-хиджра») начали возникать еще в тюрьмах в конце 60-х годов.

По словам Н. Айюби, среди молодых членов ассоциации «Братьев-мусульман», находившихся в тюрьме в конце 60-х годов и уже пришедших к основной идее исламского экстремизма — что современное государство и общество по сути являются не мусульманскими, а неверными,— очень скоро выявились разногласия. Одна их часть «считала, что ситуация в стране еще не созрела для решительной ломки всего. Они мыслили категориями старой борьбы и назвали свое движение „движением через концепцию“ („аль-харака би-ль-мафхум“), имея в виду, что они не сразу объявят о своем полном отрицании общества» [109, с. 278]. Другая часть заключенных, среди которых был и Ахмед Шукри Мустафа, «назвала себя „группой правоверных“ („джамаат аль-муаминин“) и выступила за безотлагательные действия и открытую конфронтацию с режимом, основанную на стратегии отступления ради победы (в подражание пророку Мухам-

маду, переселившемуся в Медину в 622 году н. э.)» [109, с. 279]. Именно эта часть после освобождения в 1971 г. и стала основой группы «ат-Такфир ва-ль-хиджра».

Таким образом, уже к концу 60-х годов среди исламистов, большинство которых составляли члены ассоциации «Братьев-мусульман», начался процесс дифференциации — в первом приближении на сторонников идей, выдвинутых С. Кутбом, и тех, кто был с ними не согласен. Вместе с тем если в это время исламский экстремизм уже четко и ясно отмежевался от основного направления фундаменталистской мысли в плане идеологии, то на организационном уровне это еще никак не было оформлено. Большинство экстремистов продолжали считать себя членами ассоциации «Братьев-мусульман», а учитывая, что практически все они находились тогда в заключении, говорить о возникновении в тот период исламского экстремизма как реального политического движения нельзя.

Поражение арабских армий в 1967 г. еще более радикализировало экстремистов. Как пишет Н. Айюби, «мусульманская молодежь, находившаяся в заключении, расценила это (поражение.— А. К.) как доказательство полного разложения арабских режимов, которые „покинули Аллаха, а значит, и Аллах оставил их“. Было решено стремиться к созданию истинно исламского общества и сражаться со всеми, кто встанет на их пути» [109, с. 278].

Когда в 1971—1973 гг. все египетские исламисты были освобождены (подробнее об этом см. ниже), в их пропаганде и иной деятельности сразу стали проявляться две основные линии — экстремистская и «умеренная». Поначалу граница между ними была весьма неопределенной, но постепенно начали выкристаллизовываться две различные системы организаций — вслед за идеологическим размежеванием последовало и организационное.

Первые исламские экстремистские группы стали разворачивать свою деятельность в начале 70-х годов — сразу же после освобождения из тюрем «Братьев-мусульман». Уже в апреле 1974 г. они провели свою первую крупную акцию — группа «Муназзамат ат-тахрир аль-исламий» попыталась совершить государственный переворот. Таким образом, в Египте к середине 70-х годов размежевание экстремистов и «умеренных» завер-

шилось — отныне они существовали раздельно не только идеологически, но и организационно.

В других арабских странах организационное размежевание экстремистов и «умеренных» произошло позже. В Сирии, к примеру, раскол местных «Братьев-мусульман» на две независимые организации (экстремистскую и «умеренную») произошел лишь в начале 80-х годов. Хотя небольшие экстремистские группы полуавтономно существовали и до этого, большинство исламистов были объединены под знаменами «Братьев-мусульман» и их террористическая антиправительственная деятельность координировалась из единого руководящего центра.

Раскол произошел в конце 1980 г. на съезде сирийских «Братьев-мусульман», проходившем в ФРГ. Встал вопрос о том, какие формы борьбы — политические или насильственные — должны быть главным в деятельности этой организации. Сторонники политических форм борьбы, лидером которых был тогдашний глава «Братьев» Иссам аль-Аттар, оказались в меньшинстве, а возобладали точка зрения так называемых внутренних «Братьев-мусульман», которые заявили, что только террором и прочими насильственными методами можно добиться успеха в деле свержения режима Асада. В результате аль-Аттар оказался фактически отстранен от власти, а вместо него сирийских исламистов возглавили Саид Хавва, Аднан Саад ад-Дин и Али аль-Баянуни (см. [122, с. 158]).

Новым лидерам также не удалось сохранить единство рядов своих сторонников, и уже весной 1981 г. произошел новый раскол «Братьев-мусульман» — на так называемые «политическую тенденцию», которую возглавили Саад ад-Дин и Хавва, и «боевую тенденцию», известную также как «ат-Талиа аль-мукатия» («Сражающийся авангард»), во главе которой встал Аднан Окла. В декабре этого же года после многочисленных неудачных попыток объединиться вновь эти «тенденции» окончательно превратились в две независимые организации.

Второй раскол был вызван тем, что «политическая тенденция» акцентировала внимание на создании прочной и широкой базы среди населения и на союзе с другими антибаасистскими силами, что потребовало определенных изменений в идеологии движения, которые бы сделали ее более приемлемой для широких масс и для новых политических союзников. Эти изменения, сделав-

шие идеологию «Братьев-мусульман» гораздо более умеренной, оказались, однако, неприемлемы для значительной части членов самой этой организации, которые, объединившись вокруг Аднана Оклы, образовали «ат-Талиа аль-мукатия».

Граница между сирийскими экстремистами и «умеренными» проходит именно по линии раскола на две «тенденции», так как крыло Саад ад-Дина и Хаввы, начавшее выступать за многопартийную систему и даже переставшее настаивать на том, что шариат должен быть единственным источником законодательства [345, 1983, № 103, с. 26—27], явно перешло в «умеренный лагерь».

В марте 1982 г. «политическая тенденция» вступила в так называемый Национальный альянс — широкий антиправительственный фронт, в который наряду с ней вошло еще 19 политических группировок, в том числе и проиракская партия Баас Мишеля Афляка [242, с. 25]. Это вступление завершило разрыв течения Саад ад-Дина и Хаввы с организацией Оклы, которая отказалась войти в Национальный альянс, заявив, что не хочет сотрудничать с какими-либо политическими партиями и тем более менять свои взгляды ради союза с ними.

Событием, заложившим основу для выхода экстремизма сначала на египетскую, а затем и на общеарабскую политическую арену, было сокрушительное поражение арабских государств в войне 1967 г. Это поражение вызвало шок в арабском обществе, шок тем более сильный, что до июня 1967 г. вся пропаганда активно внедряла в сознание населения мысль о непобедимости арабских армий, о том, что разгром Израиля практически гарантирован.

Вслед за шоком «интенсивная волна самокритики захлестнула арабский мир» [94, с. 24]. Под сомнение были поставлены вся стратегия развития общества, его политическая и экономическая структура, его основные ценности и т. д. Особенно остро этот процесс ощущался в Египте, где «июньское поражение вызвало сомнения в способности режима Насера справиться с основными проблемами политики и безопасности страны. Началось серьезное обсуждение адекватности базовых ценностей Египта» [88, с. 345].

В споре о том, почему все это произошло и что же надо делать, быстро выявились две основные точки зрения — водоразделом стал вопрос о традиции и ее основ-

ной части — исламе. Одна точка зрения базировалась на том, что традиция — тяжкий груз, который не дает арабскому обществу двигаться вперед и который послужил основной причиной поражения 1967 г. «Мы должны спросить наше религиозное наследие,— писал один арабский публицист, под псевдонимом Адонис,— что оно может сделать для нас в настоящем и будущем... Если оно нам ничем помочь не может, то мы должны отбросить его» [358, 1968, № 6, с. 4—5]. Наиболее яркое выражение этот подход получил в книге Садека аль-Азма «Критика религиозного мышления» («Накд аль-фикр ад-диний»), где он объявлял ислам причиной практически всех несчастий арабского мира и требовал решительно отказаться от него.

Наряду с этой точкой зрения существовала и другая, которая утверждала, что причина поражения заключается именно в том, что арабы забыли ислам и отошли от него. Утрата веры, которая одна только может дать человеку духовную силу и уверенность в правоте своего дела, привела, по словам исламистов, к тому, что арабские солдаты были более склонны бежать, чем сражаться. При этом аргументация фундаменталистов не сводилась к той простой мысли, что «раз общество покинуло Аллаха, то и Аллах оставил общество». Они указывали на то, что арабские государства, чьей официальной идеологией был в то время секулярный национализм, потерпели поражение от страны, которая основана, по их мнению, чисто на религии [103, с. 490]. Победу Израиля они трактовали как победу религиозного государства над секулярным.

Одновременно с этими дебатами на уровне идеологии и пропаганды поражение 1967 г. способствовало широкому подъему религиозности на уровне массового сознания [182, с. 435]. Неверно было бы говорить о чисто исламском или тем более исламистском подъеме — эта волна религиозности захватили и мусульман и коптов, и фундаменталистов и суфиев [231, с. 163]. Усиление интереса к религии, которое началось в Египте в конце 60-х годов, а в других странах Ближнего и Среднего Востока — в середине 70-х годов, в сочетании со все растущим обращением к исламу как к форме социально-политического протеста позднее получило название «возрождение ислама»*.

* Автор не считает этот термин удачным, но употребляет его, как получивший наибольшее распространение.

«Возрождение ислама» — сложный и многофакторный процесс. Хотя его причины не раз подвергались анализу как советскими, так и зарубежными учеными, имеет смысл еще раз кратко на них остановиться.

В определенной степени «возрождению ислама» способствовала сама специфика этой религии, точнее, два ее взаимосвязанных аспекта. Во-первых, ислам, в отличие, например, от христианства, возник и формировался как государственная религия и это состояние является для него наиболее естественным. Одно из последствий этого — отсутствие в исламе института церкви. Во-вторых, ислам религия тоталитарная, стремящаяся охватить все стороны жизни и деятельности людей — от брачных связей до международной политики, и не зря некоторые исследователи называли его не религией, а образом жизни. К этому можно добавить полное отсутствие в исламе деления на светское и духовное, мирян и клир, «дела людские» и «дела божьи». Известное положение из Евангелия «кесарево кесарю, а Божие Богу» (Матф., 22:21) не могло бы существовать в исламе, хотя некоторые его модернистские направления и призывают сейчас к чему-то подобному.

Таким образом, ислам более всего приспособлен выступать в качестве регулятора всей жизни общества, и эта его особенность, безусловно, дала исламистам широкие возможности для аргументации необходимости «политизации ислама».

Помимо этого в арабских странах действовал и продолжает действовать ряд факторов, которые объективно способствуют усилению роли религии в общественной жизни.

1. Исторически большинство арабских стран переживают сейчас этап развития капитализма на весьма неоднородной, многоукладной основе. Иными словами, в них завершается процесс перерастания общества полуфеодального, неразвитого, «восточного» в общество капиталистическое, технологическое, «западное». Этот процесс, называемый обычно модернизацией, неизбежно ведет к увеличению тягот и бедствий значительной части населения. Огромные массы крестьян, мелких ремесленников и торговцев разоряются и скапливаются в городах, пополняя ряды люмпенов и деклассированных элементов. Растет численность маргинальных слоев, составляющих во многих крупных городах уже значительную часть населения. Множество людей потеряли свое место в общест-

ве, потеряли уверенность в завтрашнем дне. Старая, традиционная система ценностей если не сломана, то сильно расшатана, а новая либо не создана, либо представляет собой кальку с системы ценностей Запада, чуждой арабскому обществу. Все это создает практически идеальные условия для расцвета религии.

2. В арабских странах остро ощущается отставание от промышленно развитых стран в социально-экономической, технической и культурной сферах. Ущемленное национальное самолюбие требует компенсации, а так как в материальной сфере это невозможно, то она осуществляется в сфере духовной за счет утверждения традиционных (т. е. исламских) духовных ценностей как якобы превосходящих западные.

Надо помнить также, что сейчас в развивающихся странах вообще и в арабских странах в частности активно насаждаются западная цивилизация, западная система ценностей, образ жизни, что сопровождается разрушением традиционных мировоззрений, систем взглядов и т. п. Естественно, это вызывает ответную реакцию, т. е. подчеркивание чего-либо своего, характерного для собственной цивилизации, что в арабских странах, как правило, тесно связано с исламом.

3. Существует значительная социально-экономическая разочарованность масс, вызванная отчасти крахом надежд на быстрое и беспроблемное развитие. Вместо обещанного процветания и благополучия обострились трудности и проблемы, возросло и недовольство положением дел. При этом надо заметить, что одним из основных факторов выступает не столько бедность значительных масс населения, сколько социальные контрасты: небоскребы, высящиеся над трущобами, «мерседесы», проносящиеся мимо нищих. В результате появилась разочарованность в самой модели развития по западному пути, в идее догнать развитые капиталистические страны. Возникла необходимость в своей, выраженной «незападной» идеологии развития.

4. Подрыв доверия к партиям и правительствам, которые оказались не в состоянии обеспечить быстрое прогрессивное развитие страны, сопровождается так называемым кризисом легитимизации, т. е. отказом секуляризованных элит от традиционной исламской легитимизации своей власти и переходом их к обоснованию ее законности при помощи светских идеологий. Этому кризису способствует неспособность арабских правительств

обеспечить обещанные процветание и социальную справедливость, а также то, что они явно не в силах вернуть себе территории, оккупированные Израилем.

5. В условиях бедственного положения народных масс широкое распространение получает ностальгия по ушедшему золотому веку, по старым временам, когда все якобы было идеально. В арабских странах таким золотым веком считается правление Мухаммада и четырех праведных халифов, т. е. период раннего ислама.

Безусловно, этим перечнем не исчерпываются объективные причины «возрождения ислама», но здесь перечислены, на наш взгляд, основные факторы, вызвавшие этот процесс.

Ряд объективных причин усиления влияния ислама на общественно-политическую жизнь сопровождался и некоторыми субъективными причинами. Для Египта, например, важнейшим фактором всплеска исламизма в первой половине 70-х годов было решение А. Садата опереться в своей борьбе с левыми силами на консервативные исламистские круги. Когда в 1971 г. Садат чуть не был отстранен от власти сторонниками курса покойного президента Насера, он понял, что, чтобы сохранить за собой президентское кресло, ему необходимо, с одной стороны, обзавестись сильными политическими союзниками, а с другой — ликвидировать влияние насеризма в широких массах населения. Для достижения этих целей он сделал ставку на ислам — ставку, которая, поначалу дав желаемые результаты, через десять лет привела к его гибели.

Политика опоры на ислам проводилась Садатом по нескольким направлениям, из которых главными, с точки зрения данной работы, были освобождение из тюрем членов ассоциации «Братьев-мусульман» и полулегализация этой организации, а также создание и всяческая поддержка исламских студенческих обществ — «гамаат исламийя».

В 1971 г. при посредничестве короля Саудовской Аравии Фейсала Садат встретился в Жанаклисе с лидерами египетских «Братьев-мусульман», находившимися в эмиграции, в том числе с фактическим их главой Саидом Рамаданом [81, с. 191]. После этой встречи «Братьев-мусульман» стали постепенно выпускать из египетских тюрем (последние заключенные-исламисты были освобождены в 1973 г.) и им была предоставлена относительная свобода деятельности и пропаганды своих

взглядов. Поскольку различие между исламскими экстремистами и «Братьями-мусульманами» тогда не проводилось, то и те и другие освобождались на равных основаниях. То что, как пишет М. Х. Хейкал, «уже возникло новое фундаменталистское подполье» [172, с. 135], судя по всему, не повлияло на убеждение Садата, что исламисты станут опорой его режима, а не его противниками.

Коснувшись общих причин «возрождения ислама», перейдем к причинам возникновения уже собственно современного исламского экстремизма. Здесь необходимо провести разницу между появлением идеологии исламского экстремизма, которая, как уже упоминалось, зародилась в Египте на рубеже 50—60-х годов, и его распространением, превращением его в серьезного участника политической борьбы, что произошло в 70-х годах.

Важнейшим фактором, способствовавшим возникновению идеологии экстремизма, безусловно, явились преследования и гонения, которым подвергались «Братья-мусульмане» в тот период. Эти преследования сыграли двойную роль. Во-первых, любое движение, подвергающееся репрессиям со стороны властей, склонно к радикализации своих взглядов и практики. Тенденция к ответу отрицанием на отрицание, насилием на насилие в таких случаях проявляется явно и отчетливо. Во-вторых, в результате фактического разгрома ассоциации политией и органами безопасности «Братья-мусульмане» оказались в кризисе, а кризис, как правило, способствует дифференциации различных направлений внутри организации. В данном случае эта дифференциация выразилась в описанном выше начале размежевания «Братья-мусульман» на «умеренных» и экстремистов.

Иной характер имели причины, обусловившие определенную популярность идей исламского экстремизма и превращение его в значимую политическую силу во многих странах Арабского Востока. К их числу можно отнести общий подъем исламизма и усиление религиозности населения; конфликт традиционных исламских ценностей с современным городским (вестернизированным) образом жизни; широкую дискредитацию официального ислама и религиозного истеблишмента. Важную роль играло также отсутствие у населения ощущения участия в общественно-политической жизни, в принятии решений, затрагивающих их жизнь. В сочетании с отсутствием реальных перспектив быстрого достижения экономи-

ческого благосостояния это приводило к позиции «все не так», к полному и тотальному отрицанию всего современного общества (формой такого отрицания и является исламский экстремизм).

Помимо этого определенную роль сыграло довольно распространенное представление о том, что малочисленная, но тесно сплоченная и глубоко убежденная в своей правоте группа способна реально повернуть историю, в частности захватить власть в крупной стране и провести в ней кардинальные преобразования. Такое представление поддерживалось как примерами из истории ислама (малочисленность первоначальной общины Мухаммада), так и частыми случаями государственных переворотов в развивающихся странах, совершаемых обычно небольшой группой военных. В этом отношении очень способствовала подъему экстремистских настроений победа революции в Иране, которая доказала, что возможно во имя ислама свергнуть правителя, опирающегося на вооруженную до зубов армию, располагающего огромными доходами от нефти, пользующегося поддержкой самого могущественного империалистического государства.

На распространение экстремизма повлияли также и конкретно-страновые причины: в Египте — опора Садата на исламистские круги; в Сирии — фактическая война между правительством и «Братьями-мусульманами»; в Израиле — неспособность ООП (ориентированной на национализм) добиться каких-либо успехов в деле предоставления палестинцам их законных прав.

Глава IV

ИСЛАМСКИЕ ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ГРУППЫ

В этой главе будут рассмотрены исламские экстремистские группы — их состав, структура, численность, лидеры. Мы также затронем методы вербовки и психологической обработки, применяемые ими.

Состав

Один из важнейших вопросов, встающих в ходе изучения любых организаций, — это выяснение того, кто именно в них входит. На основании имеющейся информации можно выделить четыре главных параметра, по которым состав исламских экстремистских групп поддается анализу: возраст, географическое распределение, социальное происхождение и профессия членов группы. Необходимо сразу же оговориться, что все приведенные данные относятся к тем, кто как минимум подвергался аресту, т. е. скорее к активистам экстремистских групп, чем к их рядовым членам.

Возраст — наиболее очевидный параметр, и практически все авторы, занимавшиеся проблемой исламских экстремистов, обращают особое внимание на их молодость. Некоторые даже называют исламский экстремизм «типичным молодежным бунтом» [110, с. 280], и действительно, определенные основания для этого имеются. В момент вступления в «ат-Такфир ва-ль-хиджра» возраст ее членов варьировался от 17 до 26 лет, средний возраст был 24 года. В группе «Муназзамат ат-тахрир аль-исламий» он также составил 17—26 лет, но средний возраст был несколько ниже — 22 года [182, с. 438]. Наиболее представительны данные по группе «аль-Джихад», которые приводятся ниже (подсчитано по [103, с. 133; 269, с. 41]):

Возраст	Количество человек	%
До 20 лет	99	30,0
21—30 лет	196	59,4
31—40 лет	30	9,1
Свыше 40 лет	5	1,5
Всего . . .	330	100,0

Как видно из приведенных данных, почти 9/10 членов группы были моложе 30 лет, а если учесть, что здесь речь идет в основном о тех, кто был отдан под суд, т. е. об активистах, то можно предположить, что средний возраст ее рядовых членов был еще ниже.

Таким образом, не подлежит сомнению, что исламский экстремизм опирается в основном на молодежь и именно из ее рядов черпает своих приверженцев. Объясняется это прежде всего тем, что именно на молодежи острее всего отразились факторы, вызвавшие к жизни феномен современного исламского экстремизма — отрицательные последствия модернизации и вестернизации, неуверенность в завтрашнем дне, безработица, идейно-политический кризис. Важную роль при этом играет и большая по сравнению со старшими поколениями склонность молодежи к крайним взглядам и точкам зрения, ее мобильность, неконформизм, готовность отказаться от всего ради какой-либо идеи.

Второй параметр — географическое распределение — отражает различия во влиянии исламских экстремистов в разных частях страны. Можно сразу сказать, что, во-первых, исламский экстремизм есть феномен городской, а не сельский, причем концентрируется он в крупных городах; во-вторых, в каждой стране есть определенный регион, где влияние экстремистов особенно сильно. Для Египта это Верхний Египет и города Каир, Александрия, Асьют; для Сирии — Северная Сирия и города Алеппо, Хама, Хомс; для Саудовской Аравии — Неджд и города Мекка, Медина.

В Египте, к примеру, особая роль Верхнего Египта выявляется вполне отчетливо. Именно оттуда родом большинство членов «ат-Такфир ва-ль-хиджра», включая самого Шукри Мустафу [182, с. 438], большинство арестованных и преданных суду членов «аль-Джихад» — 183 из 280, т. е. 65,4% [103, с. 131], большинство руководителей различных исламских экстремистских групп, арестованных в сентябре 1981 г. [110, с. 280]. Если же принять во внимание, что значительную часть экстреми-

стов — выходцев из Нижнего Египта составляют каирцы, то станет видно, что влияние исламских экстремистских групп в Нижнем Египте значительно слабее — так, всего 8,6% отданных под суд членов «аль-Джихад» (24 из 280) были родом оттуда [103, с. 131].

Исключение представляет собой Александрия, где активно действовало на рубеже 70—80-х годов как минимум три группы — «Муназзамат ат-тахрир аль-исламий», старая «аль-Джихад» и «Джунд Аллах». Это вполне естественно, поскольку Александрия — второй по величине город Египта и волна экстремизма обойти его не могла. Хорошее представление о распространенности исламского экстремизма в разных районах Египта дают приведенные ниже данные, отражающие распределение членов «аль-Джихад» по провинциям страны [103, с. 132]:

	Количество человек	%
Каир с пригородами (кроме Гизы)	73	26,1
Гиза	67	23,9
Асьют	37	13,2
Сохаг	25	8,9
Эль-Минья	23	8,2
Кена	12	4,3
Бени Суэйф	10	3,6
Шаркия	10	3,6
Эль-Файюм	9	3,2
Дакахлия	5	1,8
Бухейра	4	1,4
Прочие	5	1,8
Всего . . .	280	100,0

Основная причина такой роли Верхнего Египта заключается в том, что этот исторически отсталый район Египта в 70-х годах начал быстро развиваться и модернизироваться, а это, естественно, резко усилило социальную напряженность. Быстро возросло число студентов в местных университетах, что обеспечивало экстремистам широкую базу деятельности. Так, если в Асьютском университете в 1971/72 учебном году числилось 15 тыс. студентов, то в 1976/77 году — уже 28 тыс. [103, с. 131]. Подливало масла в огонь и то, что большинство коптов-христиан живет в Верхнем Египте (по официальным данным, скорее всего заниженным, 20% населения провинции Асьют и 18,6% — Эль-Минья — копты [104, с. 399]).

Существенную роль сыграла и быстрая урбанизация Верхнего Египта, которая также способствовала расширению социальной базы экстремизма. Дело в том, что для исламских экстремистов весьма характерно то, что большинство из них — горожане в первом поколении. Типичный член такой группы родился или вырос в деревне или в провинциальном городишке, а затем переехал в большой город (обычно в связи с поступлением в университет), где и вступил в ряды экстремистской организации. По данным С. Ибрагима, 21 из 34 опрошенных им членов «ат-Такфир ва-ль-Хиджра» и «Муназзамат ат-тахрир аль-исламий», т. е. 62%, имели именно такую биографию [182, с. 438]. Видимо, конфликт между ценностями и стереотипами поведения, заложенными в детстве, с одной стороны, и космополитичной, вседозволяющей атмосферой больших городов — с другой, играет значительную роль в переходе человека на позиции исламского экстремизма.

Такая модель (юность в провинции — переезд в большой город — поворот к исламизму) характерна не только для современности. Ее же можно обнаружить, к примеру, в биографии Х. аль-Банна. Он родился в Махмудийе — небольшом провинциальном городке, — там же получил начальное образование, а в 17 лет поступил в каирский «Дар аль-улюм» — высшее педагогическое учебное заведение. «Четыре года, проведенные Х. аль-Банной в Каире, — пишет в своей статье Т. П. Мило-славская, — оставили у него впечатление „развала исламского общества“, „грубого вторжения западных идей и традиций“. В своих воспоминаниях аль-Банна писал, что именно в тот период он начал представлять форму деятельности, „необходимую для спасения исламского общества, и свою роль в ней“» [70, с. 87].

Тот факт, что горожане в первом поколении особенно легко поддаются влиянию идеологии исламского экстремизма, подтверждается и тем, что в Большом Каире «аль-Джихад» наиболее активно действовала именно в тех районах (Матарийя, Зейтун, Род аль-Фараг и ас-Сахель), которые «приняли большинство недавно мигрировавших из деревни» [103, с. 132]. В то же время в районах города, где жили преимущественно коренные каирцы, например, таких, как Мыср аль-Кадима, Сейида Зейнаб, исламский экстремизм популярностью не пользовался.

Экстремистские группы вели активную вербовку и в

бедных кварталах городов. В пригороде Каира Гизе наибольшее число членов «аль-Джихад» жили в районе Болак ад-Дакрур, отличавшемся плохими жилищными условиями и перенаселенностью, вызванной постоянным притоком недавних сельских жителей. Район Каира Род аль-Фараг, где «аль-Джихад» пользовалась особенно большим влиянием, отличался колоссальной перенаселенностью — плотность населения в нем составляла 135 тыс. человек на 1 кв. км [348, 1985, № 3, с. 231]. Для сравнения укажем, что средняя плотность населения в Каире (который известен как один из наиболее густонаселенных городов мира) — 26 тыс. человек на 1 кв. км, в Москве — менее 1 тыс. человек на 1 кв. км. Популярна «аль-Джихад» была также в районе аль-Харам, около пирамид, в котором с особой яркостью проявлялись многочисленные социальные контрасты египетской жизни и где такие признаки вестернизации, как роскошные отели и ночные клубы, были особенно заметны [103, с. 132].

Третий параметр — социальное происхождение — вместе с четвертым (профессией) имеет важное значение для определения классовой принадлежности членов исламских экстремистских групп. Все западные авторы относят их к «Lower middle class» [109, с. 494; 103, с. 133; 182, с. 439], т. е. к мелкой буржуазии и наиболее бедной части средних городских слоев. Конкретный анализ, проведенный С. Ибрагимом на основе собранных им данных о 34 членах «ат-Такфир ва-ль-Хиджра» и «Муназзамат ат-тахрир аль-исламий», отбывающих срок тюремного заключения, показал, что у 21 человека (61,8%) отцы работали на государственной службе, причем, как правило, в среднем звене административного аппарата. У четырех человек (11,8%) отцы относились к верхней части средних городских слоев (два профессора, один инженер и один фармацевт), еще у четырех они были мелкими торговцами, трое (8,8%) были сыновьями крестьян, владевших от 6 до 11 федданов земли и у двоих (5,9%) отцы были рабочими. При этом у отцов семерых (20,6%) было высшее образование, у 19 (55,9%) — среднее, у пяти (14,7%) — начальное или неполное среднее и трое (8,8%) были неграмотны [189, с. 459].

По четвертому параметру — профессии и роду занятий — данных значительно больше, чем по социальному происхождению. Они отражены в таблице.

Профессиональный состав

Род занятий	«Ат-Такфир ва-ль-хиджра» (аресты 1977 г.)		«Ат-Такфир ва-ль-хиджра» и «Муназзамат ат-тахрир аль-ислами» (данные опроса С. Ибрагима)	

Учащиеся	17	(44%)	18	(55%)
Студенты				
В том числе следующих факультетов:				
медицинского	4	(12%)
фармацевтического	2	(6%)
сельскохозяйственного	3	(9%)
бизнеса	—	—
педагогического	—	—
технического	6	(18%)
военно-технического	2	(6%)
филологического	1	(3%)
богословского	—	—
Инженеры	3	(8%)	3	(9%)
Военные и полицейские	4	(10%)	—	—
Государственные служащие	8	(21%)	—	—
Мелкие торговцы	3	(8%)	—	—
Врачи и фармацевты	1	(2%)	4	(12%)
Преподаватели	5	(15%)
Агрономы	1	(2%)	2	(6%)
Рабочие и ремесленники	1	(3%)
Безработные	2	(5%)	—	—
Крестьяне	—	...	—	—
Не определен	—	—
Всего ...	39		33	

* Подсчитано по [101, с. 100; 109, с. 493; 231, с. 247; 103, ** Еще 50 школьников не были привлечены к суду по причине...
 *** Они были отнесены к категории «professionals», т. е., видо...
 **** Шесть человек из них (6%) были отнесены к категории

Таким образом, основную массу исламских экстремистов (40—50%) составляют студенты. Надо отметить, что почти две трети студентов, специализация которых известна, обучались на технических, медицинских и фармацевтических факультетах, которые являются в Египте наиболее престижными и на которые труднее всего поступить. Этот факт говорит о том, что влиянию исламского экстремизма склонны поддаваться не неудачники или тупицы, а, напротив, люди со способностями, уже достигшие в жизни определенных высот. Как пи-

исламских экстремистов *

«Аль-Джихад» (аресты в ноябре 1977 г.)		«Аль-Джихад» (суд над покушавшимися на Садата)		«Аль-Джихад» (суд над 280 членами за попытку государственного переворота)		Иранские моджахеде и прочие исламистские группы в Иране	
...
22	(52%)	9	(37%)	10**	(3%)	7	(7%)
8	(36%)	123	(44%)	37	(36%)
3	(14%)
5	(23%)
3	(14%)
3	(14%)
—	—
—	—
—	—
—	—	5	(2%)
11	(26%)	3	(13%)	14	(14%)
2	(5%)	3	(13%)	14	(5%)
...	...	—	—	15	(5%)	12	(12%)
...	...	—	—	16	(6%)	3	(3%)
...	...	2	(8%)
...	...	2	(8%)	6	(6%)
...	...	—	—
...	...	5	(21%)	41	(15%)	2	(2%)
...	...	—	—	30	(11%)
...	...	—	—	6	(2%)
7	(17%)	—	—	25***	(9%)	20****	(20%)
42		24		280		101	

с. 133; 182, с. 439—440; 269, с. 41; 89, с. 5]. не их несовершеннолетия. димо, были инженерами, врачами, преподавателями и т. д. «professionals».

шет С. Ибрагим, «большинство из тех, кого мы обследовали, должны были бы считаться идеальными, образцовыми молодыми людьми. Если они и не были типичны, то только потому, что в своем поколении они стояли существенно выше среднего уровня» [182, с. 440].

На втором месте по численности стоят инженеры и так называемые лица свободных профессий — врачи, фармацевты, преподаватели. Они составляют 15—25% состава экстремистских групп. Характерно, что все лица этой категории имеют высшее образование. Остальную часть экстремистов составляют военнослужащие и поли-

цейские, рабочие и ремесленники, государственные служащие, мелкие торговцы. Среди них нет предпринимателей и практически отсутствуют крестьяне.

Обращает на себя внимание крайняя малочисленность людей с гуманитарным образованием — это видно как по непопулярности экстремизма на гуманитарных факультетах вузов, так и по отсутствию в рядах экстремистских групп адвокатов, журналистов, экономистов, представителей мира искусств. Характерно также отсутствие в их рядах улемов, да и вообще лиц с богословским образованием. Эти данные говорят о том, что, несмотря на высокий образовательный уровень активистов экстремистских групп (70—80% имеют высшее или незаконченное высшее образование), они скорее всего посредственно разбираются в философии, социологии, экономике, политике и не способны адекватно оценивать общественные процессы, протекающие в арабских странах. Экстремизм привлекает людей с конкретным (в противовес абстрактному), односторонним мышлением, полагающих, что крайне сложные проблемы могут быть решены очень просто и, главное, одним-единственным путем. Студент или недавний студент с техническим или медицинским образованием, горожанин в первом поколении из семьи государственного служащего — вот портрет типичного исламского экстремиста.

Вопрос о социально-классовой базе и классовой сущности исламизма затрагивается практически во всех исследованиях, посвященных этой идеологии. Большинство советских ученых сходятся на том, что фундаментализм «отражает интересы различных групп мелкой буржуазии — от демократических и радикальных до консервативных» [66, с. 9—10], а также части маргинальных и средних городских слоев.

Специфика этих классов и слоев заключается в том, что они уже фактически оторвались от традиционных, докапиталистических форм общественного производства, но в то же время не включились или включились не полностью в капиталистическую систему отношений. Они как бы зависли между разрушаемыми процессом модернизации докапиталистическими классами и слоями (которых в исламе представляет традиционализм) и создаваемыми им же новыми, связанными с буржуазным способом производства классами (интересы которых отражает модернизм). Таким образом, эти слои и классы, на которые опирается фундаментализм,

не могут ни полностью отвергнуть, ни принять модернизацию — им остается как-то модифицировать ее, придавать ей знакомые формы, пытаться хоть как-нибудь контролировать ее. В силу такого «подвешенного» состояния им, по словам Б. К. Капустина, «в целом остается чужда научная идеология, а их собственному сознанию отвечают утопические доктрины, в которых критика действительности сочетается с идеализацией легендарного прошлого и проектами решения их проблем на основе коммунальной солидарности, эгалитаризма, клиентельных отношений, где патроном выступает само государство» [49, с. 39].

Исходя из того, что экстремизм является разновидностью фундаментализма, можно предположить, что он опирается на те же социальные слои либо на часть их. Сложность проблемы определения его социально-классовой базы заключается в том, что экстремизм не есть массовое движение, и пока что его последователям не удалось увлечь за собой какую-либо существенную часть населения страны — и в Египте, и в Саудовской Аравии их попытки поднять массовое восстание были полностью безуспешны.

В каком-то смысле исключением здесь может считаться Сирия, где исламские экстремисты пользовались поддержкой определенной части населения, особенно на севере страны. Дело, однако, в том, что те, кто их поддерживал (мелкая и средняя торговая буржуазия, лица свободных профессий), делали это скорее не в силу своей приверженности исламу, а в силу своего антибасизма. Они сотрудничали с сирийскими «Братьями-мусульманами» потому, что видели в них наиболее мощную силу оппозиции, наиболее реальную возможность свергнуть режим Х. Асада. Это отчетливо проявилось, как только «Братья-мусульмане» стали терпеть поражение, — их союз с этими социальными силами начал медленно разваливаться. Безусловно, это послужило одним из факторов раскола сирийских «Братев-мусульман», поскольку одна их часть, «политическая тенденция», потянулась за исчезающей опорой в массах и, чтобы хоть как-то ее сохранить, была вынуждена приотраиваться к ним, менять свою идеологию. В то же время другая их часть («ат-Талиа аль-мукатия») в лучших традициях экстремизма заявила, что все это неважно, и попыталась продолжить антиправительственную борьбу, опираясь исключительно на собственные ресурсы.

Если судить по составу экстремистских групп, то можно видеть, что их идеология привлекательна для студенчества и части средних городских слоев, причем как традиционных, так и, в меньшей степени, новых. Вместе с тем отчетливо выявляется, что экстремизм не популярен ни среди крестьян, ни среди средней и крупной буржуазии.

Любопытно отметить, что исламский экстремизм не пользуется большой популярностью среди пауперов, люмпенов и вообще низших слоев общества. Примеры разгромов кафе, баров и кинотеатров во время волнений января 1977 г. в Египте непоказательны, поскольку в данном случае всплеск недовольства не был исламистским по сути своей (его непосредственной причиной послужило подорожание продуктов питания) и исламисты лишь использовали его, направив его разрушительную энергию в нужные им каналы. Можно говорить о том, что эти волнения показали антизападность маргинальных слоев, но не о том, что они продемонстрировали их склонность к исламскому экстремизму. Экстремисты, безусловно, могут и пытаются использовать эти слои (например, в ходе антикоптских выступлений), но с таким же успехом их может использовать и любое иное политическое движение, ставящее себе целью дестабилизацию, свержение правящего режима.

Таким образом, если и говорить о социальной базе исламского экстремизма, то его можно назвать движением части мелкой буржуазии и средних слоев города.

Обращение части мелкой буржуазии к религии для выражения своих интересов вполне естественно — на возможность и даже необходимость этого неоднократно указывали еще классики марксизма-ленинизма. Распространению политизированного ислама как формы мелкобуржуазной идеологии способствовали традиционная для арабских стран связь ислама и общественно-политической жизни и тот факт, что он является идеологией «своей», а не «импортированной» из стран Запада. Основное отличие исламского экстремизма от исламизма вообще состоит в том, что экстремизм гораздо более решительно отрицает вестернизацию и некоторые формы модернизации, т. е. он выражает интересы той части сторонников исламизма, которые более всего боятся продолжающейся модернизации, чувствуя, что она несет им гибель. Это прежде всего мелкие собственники и люди, обладающие их психологией. Их цель — справиться

с модернизацией, пока еще не поздно, пока она их не поглотила. Именно они наиболее заинтересованы в том, чтобы немедленно, ничего не откладывая, попытаться повернуть развитие событий в выгодное для себя русло. Исламский экстремизм как раз и предлагает эту безотлагательность, сочетающуюся с решительной атакой на политические силы, осуществляющие модернизацию и вестернизацию арабского общества.

Оценки численности

Для того чтобы определить место, которое исламский экстремизм занимает в общественно-политической жизни стран Арабского Востока, необходимо оценить его влияние, и прежде всего попытаться установить число его приверженцев.

Два главных источника информации, на основании которых можно судить о количестве экстремистов в той или иной стране, это данные об арестах и оценки специалистов. Вместе с тем аресты, как правило, затрагивают лишь верхушку экстремистских групп, а оценки ученых сильно различаются и часто представляют собой их интуитивное мнение, слабо подкрепленное фактами.

Начнем с арестов, как данных более объективных. Как правило, при разгроме той или иной экстремистской группы арестовывается от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Большинство из них в ходе расследования выпускают на свободу, и под суд в итоге попадает незначительная часть членов группы — по нашим оценкам, 5—10% ее состава. К примеру, в 1977 г. из 4 тыс. членов группы «ат-Такфир ва-ль-хиджра» [228, с. 28] было арестовано около 600, а предстало перед судом лишь 204 [110, с. 279]. В редких случаях, если группа невелика, под судом может оказаться и большинство ее членов (что произошло, например, с «Муназамат ат-тахрир аль-исламий»).

К сожалению, не показательны цифры массовых арестов в Египте осенью 1981 г. В сентябре было арестовано 1546 человек, по официальным данным, и более 3 тыс., по словам М. Х. Хейкала [172, с. 241], большинство которых составляли исламисты, но, судя по всему, не экстремисты. Эта волна арестов в значительной степени миновала законспирированные экстремистские группы. Так, из 302 членов «аль-Джихад», официально обвиненных в антигосударственной деятельности (суд над ними